

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

В этом романе дороги повествование ведется от первого лица. Главной героиней является не только путешественница, рассказывающая о том, что она видит и слышит, но и дорога, которая ее ведет. О страннице специально не говорится практически ничего. Ни сколько ей точно лет, ни какая у нее внешность, ни что она пережила, ни за чем пустилась в этот путь. Понятно только, что действие происходит в наше время, когда страны под названием Советский Союз уже нет, и то, что родиться можно в одной стране, учиться в другой, жить в третьей, работать в четвертой, а может быть, даже и в пятой, никого не удивляет и не возмущает. Переезд за границу не считается уже предательством родины, насильственным угоном, репатриацией или безвозвратной и тоскливой эмиграцией. Мир стал общим и открытым, где каждый свое прошлое может встретить в самом неожиданном месте.

Главная героиня через много лет возвращается туда, где она родилась, и понимает, что мало что знает о своем родном городе, истории своего

народа, о своей семье, о том, кто она на самом деле и откуда. Кто ее предки, что они делали столетия тому назад? Оказалось, что образование, карьера, домоустройство и прочая суета, на которую уходит большая часть жизни, может сделать из человека это такое перекасти-поле, утратившее свои корни. Она пускается в путь, и дорога сама ее ведет через Москву, Гомель, Оршу, Санкт-Петербург, Ригу, Таллин, Копенгаген, Лондон, где она встречается с разными людьми, с их рассказами и воспоминаниями. Происшествия и знаки не только ведут ее от города к городу, от страны к стране, но и пробуждают ее родовую память, открывая тайны родной земли и семьи, помогая понять ей, кто она, и в чем ее возможное предназначение в жизни. Дорога побуждает главную героиню романа не только к иному восприятию окружающего мира, но и к путешествию внутри себя и самопознанию. Постепенно перед читателем открывается как внешний образ странницы, так и ее внутренний мир. Добро пожаловать, в путь!

София Агачер

ПУТЕШЕСТВИЕ ВНУТРИ СЕБЯ

Рисунок Настасьи Поповой

Это столь важное для меня путешествие, заставившее взяться за перо, началось и закончилось в Чикаго. Стрелка моего внутреннего компаса прокладывает маршрут от города к городу, от страны к стране. И даже если превратности дороги и обстоятельства вступали в противоречие с моими планами, то это подтверждало лишь старую истину о том, что повороты судьбы возможны и прямых путей не бывает. Маршрут моего путешествия пролегал от Америки и далее через Москву — Гомель — Ветку — Оршу — Санкт-Петербург — Ригу — Таллин — Копенгаген и Лондон. Почему и зачем судьба вела меня таким странным путем, что я искала и обрела на этой дороге, попробую разобраться в своих записках путешественницы, где хочется нарисовать картинку общего и самобытного, запомнившегося и удивившего.

КАРТИНКА 1. О ЧЕМ МОЖЕТ ПОВЕДАТЬ ГОРОДСКОЙ РЫНОК!

Маршрут: рынок из детства — московский рынок — трасса М1 — «страна жевунов» — родной дом — пропажа улыбок — гомельский рынок.

Одно из самых ярких и светлых воспоминаний моего детства — поход на рынок. Как сейчас помню, в воскресенье утром я с бабушкой, держа корзинку, закрытую ярким рушником, иду на рынок небольшого белорусского городка. У птичьих рядов, да-да, пятьдесят лет тому назад на рынке можно было купить живую птицу, стоит высокий худой человек в темном лапсердаке и шляпе. К нему подходят

женщины и протягивают только что купленных кур. Он ловко перерезает птицам горло и вешает их вниз головой. Это мозель, специальный человек, что не только делал обрезание еврейским мальчикам, но и, по всем правилам талмуда, умел правильно резать кур. Такого наваристого янтарного бульона с темным петушиным мясом больше нигде не попробуешь, поскольку современный куриный суп — это, скорее, подкрашенная специями и солью водичка, сваренная из трупикиков двухнедельных мутантов.

А какими яркими выглядели мясные ряды с молочными поросятами, которых потом готовили в русской печи, начинив гречневой кашей и блинами. Летом же, эдак за километр до рынка, начинал витать клубнично-земляничный дух, и дальше можно было идти уже исключительно на усиливающийся аромат ягод. Зимой же пахло антоновкой и квашеной капустой, что вызывало у покупателей такое слюноотделение, которое унять можно было, лишь напившись из кружки сладковато-кислого, пряного капустного рассола, причем абсолютно бесплатно. Разве можно сейчас купить настоящее моченое яблоко: большое, налитое и прозрачное, с черными семечками внутри, а потом, не удержавшись, здесь же, на рынке, впитаться в него зубами и захрустеть, прикрывая глаза и подставляя ладонь под струю сока. А эта бочка с солеными помидорами: огромными, с напряженной кожей! Возьмешь такой, а он взрывается мякотью и семечками у тебя во рту, и ты захлебываешься от блаженства. И конечно, стоят перед глазами те кадушки с грибами

из детства: рыжиками, волнушками, груздями.

А какие были продавцы на рынке — труженики, с лицами загорелыми, изрезанными уникальным узором морщинок, и руками коричневыми, узловатыми и сильными, что корни, держащиеся за родную землю. Женщины повязывали головы цветными, яркими платками, а прилавки украшали рушниками с красно-белыми узорами. Рынок каждого городка отличался от другого. Даже грязь и пыль там были веселыми, искрились на солнце и пахли свежескошенной травой и смородиновыми листьями. И только немногочисленные узбеки, привезшие свои душистые дыни, или кавказцы, торгующие мандаринами и гвоздиками, одетые в кепки-аэродромы, стояли везде одинаковые, и товар у них был ужасно дорогим.

В советские времена по воскресеньям люди мало ходили в церковь, а стекались на колхозный рынок, не только для того, чтобы купить или продать что-то из продуктов, ягод или фруктов, но и чтобы увидеть своих знакомых, пообщаться, пошутить, узнать последние новости.

Поэтому сейчас, когда я приезжаю в другой город или страну, я обязательно иду на рынок, чтобы посмотреть на людей, как они одеты, послушать, о чем они говорят, посмотреть в их лица. Это помогает мне увидеть не только туристический облик города: музеи, дворцы, улицы исторического центра, театры, рестораны — все то, что так усиленно втирается туристам, но и вдохнуть атмосферу, в которой каждый день обитают жители города, а они ведь и есть его суть. Я ишу людей,

держатся корнями за свою землю и хранящих традиции своих предков.

Конечно, рынки в Москве имперские. Кого и чего здесь только нет: азербайджанцы, армяне, узбеки, татары. Красиво разложенный, дорожный товар. Продавцы приветливые и много шутят. Если чего нет на прилавке у пожилого азербайджанца, то он тут же пошлет мальчишку — и тот принесет все, что ты просишь. С ними приятно шутить, торговаться, разговаривать. Они расскажут тебе о своей семье и выслушают твои проблемы, даже могут дать неплохой совет. Правда, покупатели здесь в основном состоятельные москвичи. Люди общаются, шутят, почти не ругаются. Однако эмоции вокруг царят какие-то приглаженные, как, впрочем, и товар: откалиброванный, один и тот же круглый год, без запаха и почти без вкуса, выращенный в промышленных парниках. Рынок, конечно, не восточный, как в Стамбуле или Бухаре, но многонациональный, цветастый, напоминающий большой павловопосадский платок — но не тот, что сделан руками мастерицы, а, скорее, фабричный, что можно купить в любой сувенирной лавке. Из местных продуктов продается немного мяса, творога да квашеной капусты. И рушников, совсем нет рушников, ни тканых, ни вышитых. Что же случилось с землей московской, тверской, тамбовской, с реками российскими, с крепостями? Где продукты местные: настоящие, душистые, вкусные? Так, почти одно перекачено-поле осталось.

Московская вонь выхлопных газов, заполняющая чашу города и еще километров двадцать его пригородных дачных поселков и городков, наконец-то закончилась почти под Вязь-

мой. У Смоленска же перестал падать и противный, мокрый апрельский снег. Вдоль «олимпийки», дороги, построенной к Олимпийским играм от Москвы до Минска, тянулись веселенькие, зеленые поля, заросшие весенними цветами, с торчащими в небо остовами разрушенных ферм. Я глядела на это «торжество» земледелия и осознала, что моя надежда увидеть местные продукты на рынках тает безвозвратно.

Наконец, в районе Дубровно из московского царства Снежной Королевы я попала в иной мир, в синеокую Беларусь, через много-много лет я возвращалась в родной Гомель. Хотя, если четко, непонятно, почему в синеокую? Скорее, в зеленоглазую с золотистыми искорками цветов по лугам, да с конопушками снопов сжатой ржи по полям, да с белобрсыми мордашками местной детворы на улицах. После серой, раздетой Москвы, откуда практически исчезла красочная и креативная реклама, ларьки с чебуреками и блинами, красивые и манящие витрины магазинов, Белоруссия вначале показалась мне сказочной «странной жевунов». В районе Орши уже были аккуратно распаханы все поля. Хозяева на конях плугом обрабатывали землю и высаживали картофель, паслись коровы, в лесу цвели белые подснежники и фиолетовый чабрец, березы плакали соком, жужжали пчелы и шмели. Запахло свежеспаханной землей, пряными травами и далеким детством! На обочине шоссе можно было купить парное молоко, творог, картошку, мед, пироги.

Дорога привела меня в Гомель, в город, где со времен моего детства жил мой родной дом. И где бы океан судьбы ни

носил меня, его крепкий якорь держал меня и не давал сорваться в небытие. Мысль о том, что дома меня ждет мама, всегда придавала мне сил и уверенности в том, что даже самая грозная буря когда-либо заканчивается. Разве может случиться счастье большее, чем обнять после долгой разлуки свою маму. Долго-долго смотреть в ее глаза и держать в своих ладонях ее маленькие, ставшие уже почти невесомыми ручки.

Прошло несколько суток, и я начала бродить по улицам своего прошлого. Но какое-то странное чувство досады и потери стало преследовать меня. Тяжесть навалилась на грудь, заболели суставы, затрещал позвоночник, закружилась голова. «Ну конечно, это сказывается усталость после долгой дороги из Америки, да и перемена дня и ночи тоже бодрости не добавляет», — подумала я. Дни шли, а болезненные ощущения и тревога все не проходили. Ни яркие, аккуратные дома с резными наличниками, ни сады с цветущими вишнями и грушами, ни палисадники, залитые ландышами и тюльпанами, ни прекрасный парк, раскинувшийся над рекой Сож, не приносили мне облегчения. И вдруг я поняла, в чем дело и от чего мне, наполненной до краев счастьем встречи, стало здесь так неуютно. Даже в суетной Москве, сразу после тяжелого перелета через океан, я чувствовала себя более комфортно. А тут словно бы атмосфера вокруг уплотнилась, причем настолько, что становилось даже несколько затруднительно дышать и двигаться. Казалось, что огромный поршень сжал пространство, выдавив вольный воздух и оставив плотную, упорядоченную, почти кристаллическую структуру. На

улицах, в скверах и во дворах совсем не было бомжей, панков, хиппи и прочих чудиков. Люди были опрятно и аккуратно одеты, сосредоточенно занимались своими делами, но никто не улыбался. Даже дети, выделявшиеся яркими пятнами своих курточек, почти не шалили, не баловались, а главное — залиvisto не смеялись.

Паническое чувство страха охватило меня от осознания того, что в этой строго упорядоченной стране исчез смех. «Этого не может быть, — подумала я. — Вот проснусь завтра утром и пойду на рынок, куплю меда, творога, зелени, огурчиков маленьких в пупырышках, яиц настоящих с янтарными желтками, перьев лука, сала копченого и, конечно, леща и плотвичек днепровских на уху. Позову одноклассниц, устройю пир, и мы начнем вспоминать и смеяться!»

Так я и сделала: взяла корзинку, положила на дно старый бабушкин рушник и рано утром пошла на базар. Центральную часть крытого рынка занимали все те же откалиброванные фрукты и овощи, сошедшие со стандартных конвейеров турецких и польских биофабрик, но все же кое-где белели ряды сала: свежего, подсолненного, с чесночком, и копченого. Я помню, лет сорок тому назад, как его заворачивали в холщовые тряпицы и коптили на ольховых, сосновых и можжевеловых опилках. У каждого хозяина был свой секрет приготовления копченого сала. Но сегодня мой нос привел меня к прилавку, за которым стояла румяная, пышногрудая молодуха и бойко стрекотала по телефону. Мечтательное настроение и потрясающий запах копченого сала заставили меня спокойно простоять у прилавка минут пять, терпеливо слушая телефонный разговор молодой женщины,

абсолютно не обращающей на меня внимания. Потеряв надежду быть обнаруженной, я начала действовать — решительно взяла в руки кусок сала и понюхала его.

— Чаго лапаешь, не положено покупателям лапать товар, видишь, занятая я, щчас поговорю. Все равно лепей маяго сала на рынке не знойдешь, а потом метнись, гроши разменяй, а то раницей сдачи у мяне зусим нету. Иди-иди к Дуське в ларек — она тебе разменяет, — не прекращая свой разговор по телефону, прогэкала молодуха.

Ожидание чуда разбилось. Улыбка моя улетела в далекое детство.

— Что расстроилась, красавица, у меня сало не хуже, чем у Ядвиги, — услышала я приветливый голос. — Подходи, все сама посмотришь и выберешь, в обиде не будешь. Я здесь один щучу и смеюсь, поэтому и зовут Зубоскалом, а мамка кличет Ахмедом: мать — белоруска, отец — азербайджанец, — замахал мне рукой, улыбаясь от уха до уха, чернявый парень у прилавка напротив.

От сердца отлегло, появился свет маяка-улыбки на лице продавца.

— А помидоры настоящие, грунтовые у тебя есть, Ахмед? — спросила я его, с сомнением глядя на одинаковые, абсолютно без запаха помидоры.

— Конечно есть. Видишь, помидор воробей клюнул — значит грунтовые. Разве строение с порванной пленкой, где выросли эти помидоры, можно назвать парником?! — продолжал балагурить парень. — А если честно, то иди, хозяйка, за ворота крытого рынка, там под небом, на воле, у местных жителей еще можно найти настоящие про-

дукты: и сало на можжевелинике копченое, и масло подсолнечное душистое, и яйца только что из-под счастливой курицы, у которой петух есть, и зелень-мельень разную, и редиску ядреную с огурчиками сладкими. Что захочешь, то и купишь. И ландыши там продаются с запахом весны! А помидор, этот клюнутый, на удачу бери и не переживай из-за грубости людской, тяжело здесь люди живут, безрадостно, вот и не улыбаются вовсе.

И правда, вокруг рынка расплескалась пена стихийной торговли, где все, что я хотела, кроме свежей речной рыбы, то и купила. Обмелел Днепр с притоками, и рыба куда-то исчезла, как впрочем, и крепкие молодухи в цветастых платках, и прилавки, покрытые рушниками, остались все больше старушки и старики с серыми лицами, суетливо прячущие деньги, полученные за товар. Увы, улыбка Ахмеда так и осталась единственным маяком смеха на этом рынке-море.

**КАРТИНКА 2. ВЕЧЕР ВОСПОМИНАНИЙ.
МАРШРУТ: РОДНОЙ ДОМ — КАРТОФЕЛЬНЫЙ ПИРОГ — ОДНОКЛАССНИЦЫ — ГАЗОНОКОСИЛЬЩИК — ЖАРЕННЫЕ ЕРШИ — БАБА ФИРА — ПОЛОЖЕНО И НЕ ПОЛОЖЕНО — ДЯДЯ РАФА И ЧЕМОДАН БЕЗ РУЧКИ — ПРИВОКЗАЛЬНАЯ СТАТУЯ**

Притащив домой наполненную доверху корзину с продуктами, я обзвонила школьных подруг, еще откликающихся на старые городские телефоны, пригласила их на вечер воспоминаний и начала готовить обед.

Вначале натерла картошку и лук на мелкой терке, потом на черной, чугунной сковороде поджарила драники на густом, темном, деревенском растительном масле. Затем приготовила начинку из обжаренных кусочков копченого и свежего сала для картофельного пирога, состоящего из нескольких слоев драников. Далее залила все это своей сметаной и, за неимением настоящей деревенской печи, поставила в духовку. Сквозь открытое окно кухни распространился запах такой силы и вкусности, что коты со всей округи собрались под окном и начали жалобно мяукать, выклянчивая еду. Пришлось спуститься во двор и накормить эту ораву кусочками жареного сала и драниками.

В пять часов вечера начали приходить мои школьные подружки. Собралось нас из всего класса

только четверо. Люся — моя соседка и лучшая подруга детства: красивая, спортивная брюнетка, бабушка двух замечательных внуков и, по совместительству, заведующая конструкторским бюро. Наталья — яркая блондинка, раньше нас всех вышедшая замуж, вырастившая троих детей, не работавшая ни одного дня, потрясающая хозяйка, жена и мастерица. Галка — маленькая, толстенькая, озорная певунья, выдумщица и хохотушка.

Люся появилась первой, она испекла потрясающий луковый пирог и принесла огромную тарелку салата.

— Все овощи свои, с дачи, только вчера сорванные с грядки. Здесь редисочка первая, весенняя; огурчики пупырчатые, медовые; салатик нежнейший, ну и, конечно, трава-мурава: крапива молодая, мята, лучок зелененький,

петрушечка кучерявая и семечки тыквенные сверху. Да, все полито маслицем подсолнечным, что сосед мой по даче, Василий Петрович, выжимает. Золотые у него руки, как из начальников цеха ушел, так и мастерит различные механизмы: маленькие трактора, косилки, хлебопечки, — бойко рассказывала Люся, по-хозяйски выставляя яства на стол.

— Косилки — это здорово, а то я сегодня чуть со страха на землю не упала, — попыталась пошутить я. — Возвращаюсь с рынка, смотрю — в нашем сквере идут цепочкой здоровые мужики, одетые в камуфляж и армейские высокие ботинки, на головах у них защитные шлемы, как у спецназовцев, а в руках длинные штуки, похожие то ли на миноискатели, то ли на инжекторы для дезактивации. Все, думаю, что-то случилось — военные в городе.

Продолжение следует.